Первые уроки.

-1-

Алексей Юрьевич нервно сглотнул и затравленно посмотрел на новое здание сельской школы. «Ну, зачем, зачем я стал учителем?!» - пульсировала в голове паническая мысль. Тут же пронеслись дикие воспоминания о практике в городской школе, причем в гимназии с отобранными учениками. М-да... Отобранными. Если их отбирали в колонии для несовершеннолетних садистов - маньяков... В первый же день он умудрился сесть за учительский стол, точнее под него, так как стул был умышленно сломан. Никто не засмеялся. Десятиклассники сидели с непроницаемыми лицами, как потом выяснилось - они просто учились управлять своими эмоциями, так как будущая профессия «начальника» это непременно требует. Последующее громоподобное ржание в туалете - не в счет. Алексей Юрьевич порвал штаны, ушиб копчик, но тоже не проронил ни слова. Пришлось, конечно, позаимствовать стул у учеников, предварительно тщательно его осмотрев. А в середине урока упала доска. Прямо-таки взяла и рухнула, когда он выводил на ней словарное слово «аккомпанемент». Еще чуть-чуть, и она бы его накрыла, но практикант, видимо, под действием адреналина, смог с ней справиться без каких-либо последствий для жизни. И снова все эти действия сопровождало гробовое молчание. Будто он попал в школу без учеников, ну, или слепоглухонемых. Пришлось отправиться к директору, которая встретила его равнодушным: «Вы кто - учитель, или нет?». Через неделю он уже был похож на параноика, который всегда сам открывает и закрывает класс, но, тем не менее, перед каждым уроком проверяет свой стул, стол, доску, пол и потолок. Да, и окно. Но были ведь еще и общественные места! Особенно туалет и столовая. Словом, когда пришла пора получать диплом, Алексей Юрьевич весь день боролся с искушением сжечь его. Родители разочарованно посмотрели на дрожащие руки сына и в его испуганные глаза. А они так хотели, чтобы он пошел по их стопам! Но, ему, все равно, некуда было деваться, и он пошел по ним, заметно хромя. «Езжай в деревню. Там дети поскромнее и учителя больше уважают», - посоветовала мудрая мать. Правда, с некоторым сомнением в голосе. А отец быстро скрылся в другой комнате, снова подозревая жену в измене. Ну не мог у него - сильного и властного человека, родиться такой размазня! Неудачник! Кретин! В соседней комнате что-то грохнуло. Мать и сын переглянулись. «Как ты говоришь, называется эта деревня?», - переспросил Алеша и отправился собирать вещи.

-2-

Алексей Юрьевич стоял и потел, глядя, как открываются двери школы, и оттуда высыпается толпа учеников. Для него это зрелище было подобно извержению вулкана. Он стоял, а на глазах наворачивались слезы. Новоиспеченный учитель отвернулся и посмотрел в сторону озера, величественно блестящего вдали. «Может, сразу утопиться?» - сверкнула в голове отчаянная мысль. На нем был новенький, как говорится, с иголочки, костюм-тройка, и даже галстук. Алеша был далеко не уродом. Нет. Темные волосы, умные глаза, среднее телосложение. Правда, не очень высокий, но и не карлик. Только, как все говорили - не умел себя подать. Он спокойно общался с младшим обслуживающим персоналом - дворниками, кухарками, они даже любили его за отсутствие заносчивости и высокомерия. Там и в помине не было - Я УЧИТЕЛЬ - СЛУШАЙТЕ МЕНЯ. Но, что касается коллег и учеников, определенного насмешливого склада, то сопротивления с его стороны они не встречали абсолютно никакого. Что их, собственно, и раздражало. С чего все началось, и кто был в этом виноват, видимо, так и останется тайной, ибо

ни он, ни его родители так и не смогли ответить на этот вопрос. Алеша подходил к школе, все сильнее и сильнее сжимая дрожащими пальцами ручку портфеля. На его пути возникла лужа. В то же мгновение в поле зрения появился ученик на велосипеде. Учитель только и успел, что поднять портфель, через секунду он уже с ног до головы был в грязи. Всё. Теперь можно было просто развернуться и бежать, бежать без оглядки, прикрывая лицо, чтобы никому не удалось запомнить его. Но Алексей Юрьевич обреченно рассмеялся. Он подумал, что хуже уже ничего не может быть, и опустил портфель. И тут-то он понял, что сильно ошибся. Перед ним стояла высокая молодая женщина с пуленепробиваемым лицом. Он и не представлял, что в природе встречаются такие выражения лиц. Кто видит такое, то в последнюю очередь думает о красоте и молодости его обладательницы. Алеша мог бы смутиться, что предстал в таком ужасном виде перед симпатичной девушкой, но он испугался, как будто его, маленького мальчика, привели в кабинет к директорше после убийства одноклассника.

- Вы... Вы директор? - с трудом произнес Алексей Юрьевич - все что угодно, только не молчать.

Неожиданно женщина метнула свирепый взгляд в сторону, и учитель, проследив за ним, увидел велосипедиста, который был, кажется, в еще большем ужасе, чем он.

Тот отпрыгнул от транспорта, будто доказывая этим, что он здесь не причем и нечленораздельно проговорил:

- Марьстаниславна, я не специально! Я не заметил! Я не...

- Куров, отвези велосипед Михаилу Константиновичу, а сам отправляйся в мой класс, - четко выговорила она.

Тот все еще умоляюще смотрел на нее.

- Немедленно!

Ученика как ветром сдуло. Застывшие маленькие и не очень зрители продолжали смотреть на Алешу и «Марьстаниславну», до тех пор, пока женщина не обратила их внимания на звонок.

- Вы к директору? - наконец, спросила она нашего героя, продолжая бесстрастно его рассматривать.

- А... Наверное... - он внутренне сжался. - Я новый учитель.

На секунду в ее глазах мелькнуло недоумение, которое затем сменилось непониманием:

- Простите, что?

Алеша совсем опустил портфель и попытался счистить брызги с ворота пиджака. Сейчас, меньше всего он хотел наблюдать за ее реакцией.

- Новый учитель. Филолог. Алексей Юрьевич, - пробубнил он, продолжая сосредоточенно размазывать грязь.

- На вашем месте, я бы сейчас не стала это трогать, - произнесла она тоном очень недовольной начальницы.

Он покорно опустил руки.

- Подождите, когда все засохнет, а потом почистите щеткой. Я могу одолжить, - продолжила она все тем же тоном.

- Да, конечно, - ответил Алеша, словно бы ему отдали приказ, но потом, сообразив, что это был акт помощи, смущенно добавил, - спасибо.

- Еще не за что. Идемте за мной.

-З-

«О, Боже мой! Мне конец», - думал он, глядя на полную достоинства спину своей провожатой.

- Директора сейчас нет. Впрочем, ее уже давно нет. На длительном

больничном. Так что фактически за нее завуч Антон Валерьевич. Дети, носившиеся по коридорам, при виде «Марьестаниславны» тут же замедляли скорость, как опытные водители перед постом ДПС.

- А я подумал, что вы тут главная, - вырвалось у Алеши.

- Нет, я просто учитель физики.

- А...

Она заглянула в учительскую. За столами, составленными вместе, разместились три женщины. Одна пожилая и две – достаточно молодых. Но за тридцать.

- У вас сейчас урок, Мария Станиславовна? – осведомилась самая старшая.

- Нет, окно.

Преподаватель физики вынырнула из учительской и закрыла дверь.

- Идемте за мной. Вас где поселили? – спросила она, не глядя на него.

- Я пока не знаю.

- А где ваши вещи?

- В административном здании, - нашелся он, так как не очень представлял себе, как называется главный управленческий орган деревни.

Мария Станиславовна еще раз внимательно посмотрела на него, словно что-то обдумывая, и проговорила:

- Вторая половина дома, где я живу – пустует. Так что не будем обременять «администрацию» и директора утомительными вопросами жилья.

«О, Боже! Только не это!» - внутренне запаниковал Алеша.

- Кстати, у нас беда с литераторами, - вдруг неожиданно улыбнулась учитель физики. Алексей Юрьевич даже вздрогнул. Улыбка оказалась очень приятная, но через секунду выражение снова вернулось к жестко-задумчивому.

«Похоже, что ваша «беда» продолжается», - грустно хмыкнул он про себя.

- Антон Валерьевич уволил одну пожилую учительницу, после того как посидел на ее уроках. И целый год ее не кем было заменить. Иногда он сам этим занимается...

Затем последовала шепотная речь «себе под нос», и Алеше почудилось, что-то вроде: «Для развлечения». Он лишь вздохнул, представив его у себя на уроках. Когда приходила проверка, Алексей Юрьевич начинал заикаться и путаться. Так что практику ему зачили чисто формально.

- Я не люблю ваш предмет, - откровенно призналась его новая знакомая, когда они пересекали улицу

- Физики и лирики... - машинально отреагировал Алеша.

- Наверное.

- 4-

Антон Валерьевич – высокий и, как говорят – видный мужчина, насмешливо смотрел на Алексея Юрьевича, который по-привычке конфузливо сутулил плечи и избегал взгляда собеседника. Хотя, видным можно назвать любого человека высокого роста и с широкой спиной. Но завуч иногда любил прикидываться рубахой-парнем, дабы вывести незнакомца на чистую воду.

- Ваше расписание уже готово, - протянул он ему листок, делая ударение на слове «Ваше». Можете приступать прямо сейчас. Восьмой класс в данный момент гоняет мяч по полю. Берите его, а то мы ржали над их последним сочинением всем коллективом. Про купца Калашникова. Очень доставляющее. «И ударил он его в грудь, прямо в левый глаз...»

Антон Валерьевич очень четко выговаривал слова, будто в детстве страдал дефектом речи, но путем упорных тренировок смог с этим справиться. Из-за неуверенности в себе, Алеша иногда очень невнимательно слушал собеседников, но инстинктивно всегда обращал внимание на их интонацию и

особенность поведения. Видимо, эта способность выработалась у него как защитная реакция с помощью которой получалось прогнозировать поведение людей, дабы при появлении опасности вовремя устраниваться. Но самая большая проблема заключалась в том, что устраниваться он не умел, и начинал страдать еще до того, как случалась катастрофа. Вот и в данный момент он прекрасно сознавал, что натерпится от завуча в будущем и насмешек и унижения. Алексей бросил на него последний грустный взгляд, отметив еще и некрасивый выпирающий подбородок, над которым с легким намеком на гримаску отвращения расположились пухлые губы. «Он крайне неприятен, хотя, возможно и умеет нравиться женщинам. Они любят садистов», - сделал последний вывод новый учитель и вышел в поисках своих будущих убийц.

- 5 -

- Эй! - позвал Алексей Юрьевич, пытаясь привлечь к себе внимание восьмиклассников. Но с тем же успехом он мог обратиться и к звездам. Хотя, последние намного безопаснее. Футбольный мяч со всей силой ударил его в живот. Алеша непроизвольно согнулся и, собрав всю свою волю, постарался не упасть.

- Эй, дядь, пасуй нам!

- Я тебе сейчас так пасну! - раздался за его спиной незнакомый женский голос с ироничной, но доброй интонацией. Несмотря на весь гнев, который она вложила в эту фразу. Такие интонации используют родители непоседливых детей, которых надо воспитывать, несмотря на то, что их проказы больше смешат, нежели злят. Оглушительный свист заставил нового учителя повернуться в ее сторону. Очень приятное лицо, светло-каштановые волосы, убранные в хвост и спортивный костюм - вот что сразу обратило на себя внимание. Ну, и конечно, свисток во рту. Она подобрала мяч, отправила оборотов в раздевалку, и помогла Алеше окончательно разогнуться.

- Вы не очень пострадали? - сочувствующе поинтересовалась она.

- Нет, - ответил он тоном человека, который очень хочет в туалет, но боится в этом признаться.

- Идемте, я покажу вам ваш новый класс. Вы ведь теперь у нас будете русский и литературу преподавать?

- Да. А вы физкультуру? - все тем же голосом поинтересовался наш герой.

- Да, и еще начальные классы, и еще я школьная медсестра. Так что, могу предложить вам обезболивающее.

- Нет, спасибо.

Вот, наконец-то первый человек, с которым ему будет проще всего. От некоторых людей просто веет доброжелательностью. Хочешь - не хочешь, а начинаешь верить в энергетические поля. Светлые - дарящие энергию и темные, высасывающие из тебя последние силы. Вот здесь была - светлая.

- 6 -

И вот он стоит перед классом и старается придать своему лицу нормальное выражение. Над доской тикают старомодные часы, которые притягивают тоскливые взоры учеников. Подобные взгляды часто можно видеть в начале урока, но по мере приближения перемены, они начинают меняться в сторону маниакального ожидания свободы. 10...9...8...

Тик-так... Портфели в руках, ноги в режиме старта. 7...6...5... Учитель тревожно переводит свой взгляд на соответствующее место и начинает, подобно шлагбауму освобождать путь. Такие часы висят только в классе русского и литературы. Сердобольная Марья Ильинична (вышеупомянутая пожилая учительница) сама напросилась. Алеша еще раз озадаченно посмотрел на место над доской и поклялся выкинуть их после урока в окно.

- Мне сказали, что вы изучали Лермонтова, - неуверенно начал он.
Пятнадцать равнодушных лиц воззрились на него.
Алеша взял свой стул и немного потряс его в воздухе. К великому облегчению
- он не развалился.

- У вас в классе есть отличники?

Все сосредоточенно нахмурились, видимо, что-то вспоминая.

- Кротов у нас Эйнштейн, - пробасил лысый мальчик с последней парты.

Все засмеялись, а его сосед - увалень с глуповатым лицом чуть-чуть толкнул
своего обличителя, отчего тот проехал по скамье и плавно приземлился на
пол.

Класс заржал в два раза громче. Кто-то пискнул:

- Скорее Кинг-Конг.

- Мне сейчас нужен кто-нибудь вроде Пушкина, - робко произнес Алеша, и
пошел к последней парте, намереваясь помочь ученику подняться. Но тот
его опередил, при этом, в свою очередь, со всей силы пихнув «Кинг-Конга».
Тот лишь чуть-чуть качнулся.

- Еще раз так сделаешь... - угрожающе прорычал упавший. Но огромный
сосед продолжал флегматично смотреть на часы.

- Как тебя зовут? - тихо осведомился Алеша у лысого.

- Коромыслов.

- Ну, почти Пушкин, - хмыкнула девочка, сидящая перед ним, за что тут же
получила укол ручкой между лопаток.

С воплем: «Урод!» она развернулась и шарахнула его книгой по голове.

Алексей Юрьевич стоял с таким видом, будто бы удар пришелся на его
теменные кости. Ну не знал он, что надо делать в подобных ситуациях.

Максимум, на который он был способен - это чуть покашлять, чтобы привлечь
к себе внимание. Но подобный жест был равносителен предыдущему «эй» на
спортплощадке.

- Коромыслов, - произнес он как можно более внушительнее, - Подойди,
пожалуйста, к доске и напиши мои - имя, отчество и фамилию.

- А я не знаю, как вас зовут, - огрызнулся тот и сложил руки на груди.

- Поднимайся. Я сейчас тебе продиктую.

Доска, к сожалению, не рухнула, когда на ней появились слова «Аликсей
Юревич Ссасов». Алеша раньше и не подозревал, что в его простой фамилии
Стасов возможно сделать хотя бы одну ошибку. Но, на всякий случай учитель
попытался вспомнить - не заикался ли он, когда диктовал свое имя. Класс
спокойно взирал на это безобразие.

- Может быть, кто-нибудь исправит? - на всякий случай спросил он.

Класс сосредоточенно думал. В этот момент к ним заглянула... «О, Боже!
Только не это!»... Мария Станиславовна.

Все выпрямились в струнку и аккуратно сложили руки на партах, как того
требует школьная дисциплина. Алёша еле справился с сильным желанием
последовать их примеру. Она окинула взглядом аудиторию, потом доску.

- А я думала, что у вас фамилия - Стасов, - прокомментировала учительница с
непроницаемым лицом.

- Я тоже, - вздохнул Алексей Юрьевич, - сейчас исправлю.

И тут к великому ужасу нашего героя в животе у него тоскливо заурчало. Он
вспомнил, что не позавтракал дома перед отъездом, так как от переживаний
в него ничего не влезло. В классе раздалась сдержанные смешки, которые тут
же смолкли под взглядом «Марьстаниславны», как жужжание мух под
воздействием мухобойки.

- Можно вас на минутку? - обратилась она к нему, а затем к ученикам, - Если
услышу хотя бы звук, то дополнительным уроком сегодня будет физика.

На ватных ногах Алеша вышел в коридор.

- Зря вы сами не написали имя на доске, - усмехнулась она, когда закрылась дверь.

Он согласно кивнул, заранее прикусив язык, чтобы не рассказать о плачевных результатах таких мероприятий.

- Вам, кстати, совсем не обязательно вести урок в первый же день приезда.

- Но, Антон Валерьевич...

- Не обязательно выполнять все, что скажет Антон Валерьевич. А вот и он, собственно.

С ехидным выражением на лице к ним приближался завуч. Он впился глазами в Алешу, затем как-то странно посмотрел на Марию Станиславовну.

- У вас какие-то проблемы? - осведомился он.

- Да. С жильем. Алексею Юрьевичу вначале надо вселиться.

- И вы занимаетесь этим вопросом? - с усмешкой спросил завуч.

- В некотором роде.

- Странно.

Учитель физики проигнорировала его комментарий и тут же перешла в наступление.

- Вы, кажется, сейчас не заняты.

- Я - исполняющий директора, поэтому всегда занят.

- Тогда не считайте за труд отпустить учеников, а мы пока решим срочные дела.

Алеша с интересом наблюдал, как лицо Антона Валерьевича становилось спокойным и равнодушным. Но при внимательном рассмотрении было видно, что это давалось ему с большим трудом.

- Учитывая вашу занятость, я решила взять это на себя.

- Вот как? Спасибо. Вы не могли бы потом зайти ко мне? Когда освободитесь.

- Да, конечно, - равнодушно бросила она, - и без предупреждения отправилась прочь.

Алеша в замешательстве замер. Завуч удивленно посмотрел на него.

- В чем дело?

Тут издали послышалось:

- Вы идете?

- У... У меня портфель в классе остался.

- Ну, так возьмите его! - с легким раздражением отозвался Антон Валерьевич и первым открыл дверь.

- 7 -

Наконец-то закончился первый кошмарный день. Алеша лежал на жесткой узкой кровати и смотрел на бревенчатый потолок. В этой части дома действительно давно не жили, используя помещение для склада различной школьной рухляди. Когда они в первый раз вошли сюда, Мария Станиславовна окинула взглядом остатки парт, стульев и чего-то еще, и без тени брезгливости, смахнув рукой паутину со сломанного глобуса, разрешила все это использовать в качестве дров.

- А вдруг вещи кому-нибудь понадобятся? - робко поинтересовался он.

- Зачем?

Если бы учительница физики умела пугаться, то этот вопрос прозвучал бы с подобающей интонацией. Но получилось недоумение с непонятым оттенком.

Алеша не нашелся что ответить, и принялся угрюмо разбирать чемодан.

Это было несколько часов назад. Поужинав в школьной столовой и ознакомившись с расписанием на завтра, Алексей Юрьевич принялся писать план занятия. На случай, если его спросит завуч. Родители смотрели на это с

разных сторон баррикад. Педантичный отец, яростно преданный своей специальности, всегда исполнял то, что надо. То есть, прилежно составлял план к каждому занятию несколько десятков лет подряд. Он совершенно не понимал сына, который при всей своей боязливости и робости всегда старался нарушать правила. «Это что, какой-то протест? Или врожденная глупость? Верочка, в моей генетике этого нет!» - неизменно повторял тот. Алеша неровным подчерком все списал из родительских архивов, предусмотрительно взятых с собою. Он знал, что завтра он и не взглянет туда, а примется болтать с учениками о литературе. Именно болтать. Ну не понимал он, зачем к одной и той же теме надо постоянно готовиться. Они не знают ничего - Алеша знает многое. Вот он и поделится с ними. Зачем это: «Здравствуйте, сегодняшняя тема занятия...». И погнажи. И чем быстрее, тем лучше. Для кого? Значит, многое успеют. Что успеют? Дай Бог, его будут слушать первые пять минут. Хотя бы пять человек. Да, с математикой и физикой действительно проще. Вот, если бы он не был таким тупым в этой области, то все сложилось гораздо проще. Хотя... Он поежился, представив, что его стул юные физики подключают к розетке. Нет, путь уж лучше «Война и мир»...

- 8 -

Но следующий день оказался прямо катастрофой! Уж лучше бы ему переломали всю мебель и обрушили на голову потолок, чем испытать то, что он испытал. Алексей Юрьевич влюбился. В математичку. Случилось это в учительской, когда они поспорили из-за журнала. Но вначале он увидел ее... И, насколько это возможно в его ситуации, оробел. Да, красота - это страшная сила. Дело в том, что у нее был День рождения, со всеми подобающими приготовлениями - прическа, макияж, каблуки. Когда Алеша пришел в себя, то сообщил, что этот журнал (что она держала в руках) нужен ему на уроке.

- А, вы наш новый литератор!

И, не то она решила его проверить, не то блеснуть знаниями, так как разбиралась далеко не только в математике... В общем, за несколько минут Алексей Юрьевич понял, что литературу он знает плохо. Гораздо хуже математички. А еще, что до этого момента - он и не жил вовсе. В результате, его первый урок прошел как в тумане. Что-то он спрашивал, что-то рассказывал, но мысли его были далеко за пределами класса. Когда наступила долгожданная перемена, и Алексей Юрьевич, напевая и чуть подпрыгивая, добрался до учительской, он узнал то, что нанесло ему такую травму, какую не нанес бы и бешеный поезд. Он узнал, что Оксана Викторовна замужем. Но это еще не самое печальное. Ее мужем был, ни кто иной, как их завуч - Антон Валерьевич. В этот момент напротив Алеши сидела практически всегда веселая Екатерина Борисовна. Правда, без свистка. В учительской он был несколько неуместен. Увидев, как их новый литератор почему-то побледнел и чуть заметно закачался (что было доступно только опытному глазу настоящей медсестры), она перегнулась через стол и тихо сказала ему, что надо дойти до медпункта и измерить давление.

Уже выйдя в коридор, убрав, тем самым, с глаз неожиданную супружескую пару, Алексей Юрьевич почувствовал себя несколько лучше.

- Ты сегодня завтракал? - совершенно свободно перешла на «ты» медсестра.

- У вас, у всех, наверное, уже свои дети есть, - невпопад проговорил Алеша.

- Нет, не у всех, - как будто они давно вели непринужденную беседу, отозвалась Катерина, - у меня есть, у Веры Антоновны. У нее уже даже внуки.

Давление оказалось немного повышенным. Они посидели, попили чай. Давление нормализовалось. Разговор ушел в совершенно другое русло и закончился предложением Кати подарить Алеше кошку или собаку.

- Приходи к нам сегодня на ужин, я тебя с мужем и сыном познакомлю, - пригласила она его на прощание.

Последний урок в этот день, протекал из рук вон плохо. Вместо Пушкина, Алексей Юрьевич начал рассказывать о несчастной личной жизни Тургенева. Класс все равно ничего не понял. Заметив, что учитель отсутствующим взглядом смотрит в окно и что-то там говорит, все принялись решать свои насущные проблемы. По аудитории летали записки, бумажные самолетки и шарики из бумаги. К концу урока весь пол был усеян следами перестрелок...

Часть 2.

Глава – 1.

А в голове продолжали твориться совершенно непонятные вещи. Алексей Юрьевич начал уподобляться любопытному подростку или заскучавшей домохозяйке. Как-то раз, приняв двойную порцию чая на ночь, учитель принялся с азартом шарить по своим книжным полкам в поисках преступной литературы. Остановился на Стендале. Хорошо, что именно на нем. Роман «Красное и черное» его сразу отрезвил. «Господи, ну и пошлость!», - отбросил он книгу на непозволительно интересном месте (если вы, конечно, являетесь поклонником именно такого воспевания любви).

Шел третий час ночи. В сенях громко тикали часы с отломанной кукушкой. Будучи совершенно безобидным для мышей и прочих разносчиков инфекции, он сразу свернул ей шею, после того, как ее вопли разбудили его в воскресенье. Чай добросовестно выполнял все свои функции, и уснуть в таких условиях было совершенно невозможно. Пришлось дочитывать Стендала. Роман вызывал бурю протеста. «Ну и люди! Господи, да к любви это не имеет никакого отношения! Политика, интриги, игры... Тьфу!». Это претило всему его существу. «Да пусть меня сто раз обзовут простаком и вытрут ноги, но я никогда не уподоблюсь этой мерзости!», - поклялся он на книге, вызвавшей столько негодования, которую потом брезгливо отбросил, и, пошарив по полкам, поклялся в том же самом на Библии.

В окне забрезжил рассвет. Под утро учитель, наконец, дочитал книгу. Алеша смутно подозревал, что героям стоит сочувствовать, но даже намек на это не было. Когда-то, в институте, они вспоминали «Красное и черное» как роман достойный внимания подростка. Что основан он был на реальных событиях. Но сейчас, будучи всецело наедине с этой подлинной преступной историей, учитель никак не мог взять в толк, чем же он так этого ДОСТОИН.

За окном заорал петух. Соседские птички именно орали, а не профессионально кричали: «Ку-ка-ре-ку!», как подобает их статусу. Ох, с каким же удовольствием Алексей Юрьевич расправился бы с ними, как с вышеупомянутой кукушкой! Кажется, что его соседка через стенку была такого же мнения. Он услышал, как со звоном распахнулось окно, и раздался не менее звучный

учительский глас:

- Да заткнитесь вы!

Может, это было совпадением, а может, общеизвестным сверхъестественным влиянием Марии Станиславовны на окружающих (даже на нечеловеческий мир), но на улице воцарилась тишина. Алеша с благодарностью вздохнул и тут же отключился.

Глава 2

А разбудил его настойчивый стук в окно. В этот момент ему снилось нападение дятла, который перепутал его голову с деревом. Он замахал руками, стараясь отогнать обнаглевшую птицу, но ничего не изменилось – клюв, несмотря ни на что, долбил ему левый висок. Наконец, Алеша проснулся и убедился, что дятла нет, но есть Екатерина Борисовна, которая барабанит в стекло, и головная боль. Вскоре учитель физкультуры и школьная медсестра, по совместительству, узрела в окне «обкуренного панка». В первые минуты вставания Алексей Юрьевич был не в состоянии причесаться и разлепить до конца глаза. «Что случилось?» - прочитала Катерина по губам филолога, смахивающего на панка, по ошибке подключившего себя к розетке, вместо гитары. Жестом она подсказала ему открыть окно. Одноглазый наркоман повиновался. Еще секунда, и к учителю окончательно вернулось полноценное зрение. Видя, что Екатерина Борисовна кусает губы, чтобы не помереть со смеху, он метнулся к зеркалу. Вскоре панк переквалифицировался в смиренного учителя литературы.

- Внеплановая проверка, Алеш. Антон Валерьевич отправился на твой урок, а Коромыслов, решив, что это ты заходишь, запустил ему самолетиком в глаз.

- Бедный Коромыслов, - искренне посочувствовал Алексей, борясь одновременно с ужасом из-за неудачного прогула и смехом из-за самолетика.

- Я ему на физкультуре даже «пять» поставила по метанию в цель. Это же надо, бумажный самолетик, на который действует куча препятствий, да так точно попал...

Они уже сидели в учительской и смеялись. Алеша решил, что поздно идти на урок. Вскоре к ним присоединилась Мария Станиславовна. Невозмутимая как всегда, она объявила, что оставила учеников наедине с самостоятельной, заметив, что учебники им не помогут. Учитель физики сидела напротив нашей парочки и источала интригу.

- Неужели что-нибудь по астрофизике? – округлил глаза Алексей.

Мария Станиславовна неопределенно подняла брови. Екатерина Борисовна усмехнулась и что-то смахнула с плеча Алеши. Он краем глаза зацепил и ее веселость, и сосредоточенную внимательность. Учителю отчего-то стало так хорошо на душе, что он пожелал, чтобы весь его пиджак сиюминутно покрылся

пылью.

- Я подумаю об этом, - не то в шутку, не то всерьез, наконец, отозвалась «Марьстаниславовна».

Катерина заговорщически, плечом в плечо, легко толкнула Алешу. Он внутренне задохнулся и решил тут же предложить еще одну версию загадочной самостоятельной. Но творческий потенциал отчего-то изменил ему. Она еще раз (как будто бы поняв его желание) повторила маневр, чем почти разъединила учителя с реальностью. Затем, медсестра встала и дотянулась до журнала, который в куче с другими бумагами лежал на столе, но прежде чем сесть, заговорщически подмигнула Алексею и, заменив «ножной» жест (наступить на ногу, чтобы привлечь внимание) на «ручной» (сказать – накрыла его руку своей – было бы совершенно неверно и неуместно романтично), благополучно приземлилась на стул. Она то, наверное, посмеивалась над физичкой, но Алеше не удалось принять участие в этой игре по своим сугубо трагичным причинам.

Мария Станиславовна задумчиво покинула учительскую с бормотанием: «Астрофизика, говорите...».

- Я пойду, попробую исправить положение, - следом вскочил Алексей Юрьевич, боясь оставаться наедине с Катериной. В первый раз в жизни он чувствовал, что разум начал изменять ему и боялся что-нибудь натворить в таком состоянии. И не зря.

В коридоре он тут же наткнулся на Антона Валерьевича.

- Я лишил вас премии за прогул, - тут же сообщил тот.

- С вашими премиями, в 200 рублей, только в туалет ходить, - огрызнулся Алеша и, не глядя на завуча, ускорил шаг, молясь про себя, чтобы тот заткнулся, иначе в первый раз в жизни он был на грани того, чтобы ударить.

Глава – 3.

Алексей Юрьевич приложил ухо к двери своего класса. Гул стоял как в аэропорту. А потом, кажется, пронеслись три мессершмитта и сбросили бомбы на невинные города. Судя по звукам, от парт и доски уже ничего не осталось, приходилось только догадываться, чем еще они могли так гроыхать. Набрав в легкие максимум воздуха, Алеша ворвался в класс. Какая-то бумажка плавно приземлилась ему на голову. Дети застыли, как на панораме Севастопольского сражения, но опознав своего литератора, с облегчением вздохнули.

Вскоре все постепенно улеглось. Урок принял классический вид – учитель сам по себе, ученики - сами по себе. Наконец, Алексей не выдержал и попытался наладить контакт.

- Кто-нибудь из вас пробовал писать стихи?

На него настороженно уставилось двадцать пар глаз.

- Кто-нибудь из вас знает хотя бы одно стихотворение?

- Боюсь то, что мы знаем, вам не понравится, - проворчал Коромыслов с задней парты.

Класс сдержанно захихикал. Алексей Юрьевич насторожился – на уроке еще матерных частушек не хватало.

- А может быть, вы умеете, только пока об этом не знаете? Даю вам двадцать оставшихся минут для того, чтобы вы написали что-нибудь в рифму.

- Эх ты! – развеселился вдруг Коромыслов, - только если вы с нами!

- Идет, но я читаю последним.

Оставшееся время сопровождалось шмыганьем носов, скрипом стульев и попытками коллективного творчества.

Алексей Юрьевич уткнулся в свой листок. Как странно, он дожил до двадцати трех лет, но писать стихи, кажется, разучился. Учитель закрыл глаза, стараясь не отвлекаться на посторонние шорохи, и представил себе то, что больше всего хотел:

Не могу иметь я то, что хочется,

Счастья я не вижу своего...

Как слепой не видит дня и ночи,

Как глухой не слышит ничего.

Вроде руки есть – бери что надо,

Даже голова пока цела,

Только сердце ничему не радо,

Раз Мечта другому отдана.

- Весьма двусмысленная концовка, - спокойно прокомментировал знакомый голос Марии Станиславовны, а ее палец остановился на слове «Мечта», - разве она пишется с большой буквы?

Да, у Алеша было такое дурацкое свойство – умение отрешиться от внешнего мира.

- Никогда так больше не делайте, - хрипло проговорил он и покосился на пустые парты.

Учитель прошла по аудитории:

- Кажется, ваше задание выполнил только один человек.

- Я, что ли? – кисло усмехнулся Алеша.

- Нет, Коромыслов. Могу зачитать:

Если ноги оторвать,

Можно на руках скакать.

- Кажется, ему помогал весь класс, - удовлетворенно прокомментировал литератор.

- Значит, вы делаете успехи.

«И чего она ко мне привязалась? Ей детей, что ли, не хватает?», - с тоской подумал Алеша и внезапно внутренне сжался, заметив на себе ее пристальный взгляд. Возникло ощущение, что она умеет читать мысли. Мария Станиславовна

немного нервно вздохнула и жестко проговорила:

- Если вы будете продолжать в том же духе, то у завуча будут все основания от вас избавиться.

- А вам не все равно?

- Как ни странно, нет. Мне надоело его самоуправство. Вы не плохой учитель, только характера вам не хватает.

У Алексея Юрьевича непроизвольно открылся рот. Это он-то неплохой учитель?! Чем же ей так досадил Антон Валерьевич, если она согласна использовать такого неудачника, как он, в качестве оборонительного или осадного оружия? Не совсем деликатное и слишком прямое: «Чем я могу вам помочь?», учитель заменил на:

- Мария Станиславовна, вы ведь очень сильная личность! Так неужели, такая тля с книжкой, как я, может вам чем-нибудь помочь?!

Девушка поморщилась от неприятно низкой самооценки и постаралась построить в голове более или менее тактичное предложение:

- К сожалению, «такая сильная личность, как я», не может преподавать детям русский и литературу.

- К тому же сюда ни один нормальный учитель не придет, - весело закончил за нее Алеша, - а вы то сами, что здесь делаете?

При всем своем робком характере, наш герой имел особенность почувствовать нужный момент. Его мозг и сердце хранили неожиданные тайны совершенно неподходящих, на первый взгляд, для него людей. Он просто умел слушать, держать язык за зубами и вызывать доверие.

Мария Станиславовна села и несколько обеспокоенно посмотрела на него.

- Алексей Юрьевич, Антон Валерьевич совершенно уверен, что все люди по своей природе низкие. Он мало того, что постоянно источает эту идею, так еще многие ученики с радостью это подхватывают. Оксана Викторовна, конечно, женщина умная и разделяет не все его взгляды, но она, тем не менее – его жена и это о многом говорит. Он с завидным постоянством фиксирует внимание окружающих именно на человеческих недостатках, как будто это основное. Вы меня понимаете?...

Алеша ошарашено кивнул. Он и думать забыл, что она проигнорировала его личный вопрос. Учитель продолжила:

- Я не могу на уроках физики заставить их мечтать. Не могу указать на то, что их цинизм и эмоциональная закрытость, развитые не по годам, в дальнейшем смогут с легкостью испортить жизнь окружающим. Я не могу, а вы можете.

- Вы... Вы уверены?

На лице Марии Станиславовны появилось выражение сдержанного раздражения, она встала, и, покидая класс, бросила:

- Еще раз спросите, что-нибудь похожее, услышите в ответ: «Нет».

Глава - 4.

Все начало проясняться уже через несколько минут после окончания этого злосчастливого урока. На крыльце Алешу неожиданно нагнал Антон Валерьевич и попросил его на пару слов.

- Как насчет пива?

Литератор несколько секунд, не мигая, смотрел на него:

- Боюсь, что у меня нет лишних 200 рублей на развлечения.

- Тогда пройдемся.

«Только бы не въехать ему по морде! Тем более что он выше меня в два раза», - мечтал Алексей Юрьевич.

- Я смотрю, вы с Марией Станиславовной подружились...

«Придется подпрыгивать. Хотя, если въехать по горлу, то тоже ничего», - продолжали грезы.

- Она хорошо умеет держать дисциплину. Видимо, наворовавшийся папочка научил ее этому...

«Можно ударить по колену...»

- Большой был человек! Держал весь город в страхе...

«Если использовать эффект неожиданности, то можно столкнуть в воду, вон, как раз и речка. Жалко, что мелковата...»

- Имел два завода. Говорят, что когда его посадили, нашли не все деньги...

«С другой стороны, придется писать заявление, а это пока в мои планы не входит»

- Она пытается завербовать вас? Это чревато. Помните крестного отца?

- Откуда вам все это известно? – как можно веселее поинтересовался Алеша.

- Она когда-то дружила с моей женой.

Литератор резко остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Он даже почувствовал как недавняя сильная «любовь» к математичке выходит из его ушей в виде дымка.

- А что, сплетни – это неотъемлемый атрибут учительского коллектива?

Антон Валерьевич взглянул на него как на таракана и молча возвратился в школу.

«Может, все-таки найти деньги на пиво? А лучше на водку. Хотя, самогон будет подешевле», - начал прикидывать в уме Алеша. Он вспомнил страшную историю про свою однокурсницу – отличницу, которая на радостях, что сдала очередную сессию на высшую стипендию, решила впервые в жизни напиться. Все закончилось тем, что она ослепла и оглохла. У него тоже появился такой соблазн.

ЧАСТЬ 3.

Глава – 1.

Екатерина Борисовне, как единственному школьному медику надоела бесконечная грязь в классах и коридорах. Конечно, Макаренко был гением, когда предложил использовать детский труд в воспитательных целях, однако он не учел сельскую школу в деревне Верхние Ямки. Эта бесконечная война с антисанитарией давалась неунывающей Кате с большим трудом. В итоге, было не грязно только в медкабинете. Спортивный же зал держать в чистоте - это все равно, что подметать песчаную пустыню.

Дети умудрялись протереть одной тряпкой доску, точнее измазать ее мелом, затем этой же тряпкой нарисовать белые линии на полу, а потом уже на партах. Именно в такой последовательности. В итоге, на меловые парты с невидимыми и прожорливыми палочками и кокками ученики клали яблоки с конфетами, которые потом отправляли в рот. Катя замучилась объяснять начальству, что инфекционист в деревне необходим так же как и в Африке, что она не врач - не врач – НЕ ВРАЧ и умеет только делать уколы по назначению. Но с таким же успехом можно было попросить местную власть построить в Верхних Ямках золотой дворец.

Учитель физкультуры бросила клич по деревни, пытаясь найти уборщицу. Так как оклад технички был три тысячи, никто ее не услышал. Лишь через месяц бесполезных поисков, Катя случайно наткнулась на глухонемую бабу Веру. Правда, она не совсем была немой. Абсолютно глухая, новоиспеченная уборщица издавала громкие нечеловеческие звуки, что в последствие можно было использовать для достижения корыстных целей. Например, отправить ее мыть пол в рекреации около кабинета директора, когда там заседает какое-нибудь начальство, чтобы хорошенько его напугать и настроить на нужный лад. А вдруг так и улучшат финансирование. Но пока она пугала лишь учителей и смешила учеников. Алексей Юрьевич выбегал несколько раз посреди урока, услышав душераздирающие крики, думая, что в школу нагрянул сам Фредди Крюгер, но оказывалось, что это баба Вера выясняла отношения с тряпкой, ну, или с учеником, который не сменил обувь и испачкал только что вымытые полы. Антон Валерьевич попытался было сделать выговор Кате за столь неудачную находку уборщицы, но наткнулся на чисто медицинское негодование, с которым лучше не спорить, если, конечно, ты сам не в состоянии заменить вышеупомянутую техничку. Одна лишь Мария Станиславовна оставалась невозмутимой и полностью игнорировала нечеловеческие вопли. Кстати, она и Катя были единственными людьми, которые могли установить продуктивный контакт с бабой Верой. Другие просто не выносили дикие крики с близкого расстояния или у них не получалось придумать нужные жесты для общения. Екатерина Борисовна могла установить контакт с кем угодно – с глухим, слепым, иностранцем и инопланетянином, если понадобится, так как в свое время работала в отделении с insultными больными. Мария Станиславовна же

реализовывала общение посредством взглядов и факта своего присутствия. Если она просто шла по коридору, баба Вера в срочном порядке уходила мыть в другое место. Но стоило Марии Станиславовне появиться там, где в данный момент трудилась уборщица и одарить ее длительным взглядом, как та тут же понимала, что следующее, что она будет мыть – это кабинет физики. В чем заключался секрет влияния данной особы на весь живой мир, включая местную мышь из кабинета биологии, которая при появлении учителя физики старалась не шуршать в своем аквариуме, наверное, нам, простым смертным, не умеющим понимать тонкие материи Вселенной, так и не удастся узнать.

Глава – 2.

Теперь день в школе начинался веселее. Баба Вера со шваброй, словно стражник с копьем, устраивала каждое утро фэйс - контроль. Точнее – фут-контроль. Попробуй только не покажи ей чистую вторую обувь при входе! И никакие тебе – разорвались, промокли, съела собака или пометила кошка здесь не проходили. Не будешь же ты изображать перед ней за несколько минут до начала урока обувную драму с участием животных, притом, что сзади напирает толпа опаздывающих. И не факт, что баба Вера поймет, что ты имеешь в виду. Обычно, не увидев вышеупомянутый пропускной атрибут, она начинала бешено жестикулировать с соответствующим вокальным сопровождением, направляя несчастного взмахами рук (а иногда и швабры) в сторону выхода.

Одним прекрасным утром, вышеупомянутая техничка, которую Алексей про себя называл Техногенной катастрофой, увидела в окне странную картину - как кто-то из проезжающей машины выкидывает мешок с мусором, причем не из багажника, а с переднего сидения, и прямо в главную лужу на территории школы. А баба Вера только что навела порядок - выудила из луж банки, фантики и тетрадные листки. От такой неслыханной дерзости, она на секунду онемела, но потом издала самый душераздирающий из коллекции своих криков. Алексей Юрьевич в этот момент выходил из учительской, дожевывая бутерброд, но от неожиданности споткнулся и подавился. Математичка Оксана Викторовна бросилась ему на помощь и принялась стучать по спине. Из учительской также показалась невозмутимая Мария Станиславовна. Не произнося ни слова, она отправилась выяснять причину крика. Филолог с математичкой переглянулись и последовали за ней, причем Алеша продолжал кашлять.

Картина, которая предстала перед глазами троицы учителей, была гораздо более необычная, чем та, что увидела уборщица. Теперь баба Вера была главным действующим лицом. Она шваброй дралась с мешком мусора, который валялся в луже. Мешок, судя по всему, ей сопротивлялся и тоже издавал какие-то звуки. Мария Станиславовна ускорила шаг и встала перед бабой Верой с таким выражением лица, что та сразу почувствовала на себе ее взгляд, что-то

промычала, пожала плечами и быстро удалилась. В этот момент Оксана Викторовна озвучила то, о чем Алеша только что подумал.

- Кажется, это какой-то алкаш.

Они подошли ближе. В луже действительно валялся человек. Точнее, судя по всему, это был человек. Он напоминал оживший комок грязи. Лица было практически не разобрать. Мария Станиславовна наклонилась и попыталась поднять его за ворот куртки. Точнее, ворот какой-то бывшей одежды. Алеша поспешил ей на помощь и схватил его за то, что напоминало руку.

- Вы что делаете? - удивилась математичка.

В этот момент к ним подошел Антон Валерьевич.

- Сходи, участкового вызови, - обратился он к жене.

Она, было, направилась, но Мария Станиславовна ее остановила:

- Мы сами разберемся.

Завуч всмотрелся в грязное лицо.

- Я что-то не узнаю его, хотя, когда алкаши насвинячатся, то становятся очень похожи друг на друга. Ты что, его узнала? – ухмыльнулся он, глядя на физичку, явно намекая на ее темное прошлое.

Та решила поступить с ним так же, как недавно поступила с одним наглым пауком, которого застала на нужном ей классном журнале. Мария Станиславовна смерила его взглядом и спокойно дождалась, когда тот быстро уползет плести паутину в каком-нибудь другом месте. К сожалению, Антон Валерьевич никуда не уполз, но неуместные шуточки прекратились.

Алеша взвалил на себя мычащего незнакомца, мысленно попрощавшись со своим новеньким костюмом.

- Почему вы не хотите обратиться в полицию? Пусть они разбираются, – не унимался Антон Валерьевич.

- Да, разберутся, кирпичом по башке, - проворчал Алексей Юрьевич и нетвердой походкой направился в сторону своего дома.

Физичка подобрала промокшую в луже небольшую сумку, видимо, принадлежавшую пьяному, и отправилась за ним. Но внезапно остановилась и попросила бывшую подругу позвать к ним Екатерину Борисовну.

Глава – 3.

- Ым-мым-муу, - раздавалось над ухом Алеши.

- Как тебя зовут-то? – попытался он наладить беседу.

Но неожиданно за него ответила Мария Станиславовна:

- Светлов Юрий Юрьевич, 25 лет.

От удивления Алеша чуть было не развернулся на 180 градусов, чтобы взглянуть на физичку, но ему помешала тяжесть тела, которая все ниже и ниже клонила его к земле.

- Вы что, правда, его знаете? – выдавил он из себя.

- Когда мы его отмоем, то сравним с фотографией в паспорте, который я нашла в сумке.

До дома оставалось несколько метров, но сил у филолога хватало только на пару миллиметров. И, конечно, помог очередной камень, который внезапно возник на пути, и лужа, которая смягчила падение. Послышался всплеск, и через несколько секунд уже было сложно отличить одного Юрьевича от другого.

- Алеш, у меня же носилки были в кабинете! – раздался долгожданный голос Кати, которая, признаться, еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос.

- Он сам виноват, что лишил себя чистой одежды, - ворчал филолог, выбираясь из-под нового знакомого.

Но, судя по всему, Светлову Юрию Юрьевичу очень понравилась эта лужа. Он поудобнее улегся на правый бок и подложил руку под голову, продолжая что-то мычать.

- Ба, да он чувствует себя как дома! Может, оставим его здесь? – предложила школьная медсестра.

Но вскоре всем захотелось домой. Начал накрапывать дождик и завывать ветер. Троица спасателей моментально активизировалась, и наконец, втащила грязного незнакомца в комнату Алеша. Филолог порадовался, что все внимание поглотил Юрий Юрьевич, а не его пара мятых рубашек некстати свалившихся со стула, и не стопка книг, съехавшая со стола на табурет и вчерашний недоеденный бутерброд, и не пара клубов пыли, которые выкатились из-под стола не то встречать гостей, не то от сквозняка. В общем, учитель был рад, что в центре внимания был пьяный незнакомец, а не его вечно неубранная комната. В данный момент, тот лежал на полу под оценивающими взглядами учителей физики, физкультуры и литературы.

- Как вы думаете, его надо вначале помыть, а потом раздеть или наоборот? – несколько испуганно осведомился Алеша.

Катерина деловито взяла все в свои руки.

- Принеси какой-нибудь мешок для его одежды, а ты, Маш, ставь греть воду, - распорядилась она.

Филолог вначале непонимающе обернулся в поисках «Маш», не сразу сообразив, что так была названа великая и ужасная Мария Станиславовна, а потом отправился на поиски большого и ненужного пакета.

Вскоре Юрия Юрьевича Светлова зачихали в ванну-корыто, которое обычно использовал Алеша, так как терпеть не мог бань. По какому-то странному стечению обстоятельств бани в его сознании всегда отождествлялись с праздными жирными взрослыми, которые ради сомнительного удовольствия побить друг друга вениками могли наплевать на нужды родных и близких, послав их подальше, мотивировав свою занятость Банным Днем. Как говорил кто-то из них: «Хоть потоп, но по пятницам – баня», чем повергал в ужас

впечатлительного Алешу. А вдруг и правда потоп, война или банальный грипп у близкого человека? Так вот, пришлось занять себе ванну, которая хотя бы отчасти напоминала цивилизацию.

Даже третье ведро воды не смогло окончательно отрезвить их нового знакомого, который, попытался тут же утопиться.

- Эй! Да погоди ты! – выудил его голову из воды филолог.

- Почему вы не оставите меня в покое? – вдруг членораздельно произнес Юрий.

- С добрым утром, - поприветствовала его Катя.

- Где моя одежда?

- В помойке, - успокоила его Мария Станиславовна.

- Где я?

- Если мы скажем, что в Верхних Ямках, тебе это что-нибудь прояснит? – поинтересовалась Катя.

- В Верхних Ямках, - медленно произнес Юрий, словно пытаясь расшифровать данное словосочетание, и снова попытался утопиться.

Катерина Борисовна пожертвовала немного нуждающуюся в ремонте кушетку, которую определили в комнате Алеши для Юрия Юрьевича Светлова. Тот решил проспать сутки, прежде чем вступить в новый неизвестный еще мир. Когда это все-таки произошло, филолог готовился к очередному уроку, откладывая, как всегда, на последнее проверку так называемых сочинений. Хотя, как показывала практика, их можно было проверять не так уж внимательно. Обнаружить пять ошибок (что получалось сразу же, без всякого искания), и со спокойной душой поставить два-два, предварительно подчеркнув волнистой линией неудобоваримое, неизвестного происхождения написание, адаптированное под русский язык. Именно в этот момент рисования волнистых линий, который чем-то даже завораживал и отвлекал от сути чудовищной проблемы, послышался скрип полусломанной кушетки. Алеша внутренне сжался и помолился про себя, чтобы она все-таки не развалилась.

- Добрый день, - раздался испуганный потусторонний голос.

- Добрый вечер, - поправил его филолог.

- Где я?

- Как мы уже говорили – в Верхних Ямках.

- Вы? – Юрий испуганно заозирался по сторонам.

- Да, я и еще пара симпатичных женщин.

- Господи, Боже мой, - прошептал новичок.

Алеша еле сдержался, чтобы не сказать какую-нибудь гадость.

- Как я здесь оказался? В Верхних Ямках.

Как было понятно из неуверенного тона - название деревни повергло его в легкой шок, и не позволяло уточнить, что значит это таинственное словосочетание.

- Вас в виде мусора выбросили из машины.

Из гостевого угла раздалось молчание. Оно становилось все громче до тех пор, пока Алеша не обернулся, чтобы проверить, а не исчез ли Юрий Юрьевич Светлов.

Увидев выражение лица нового знакомого, филолог моментально пожалел обо всех своих колкостях за последние пять минут.

- Может тебе успокоительное какое принести? - вскочил он со стула и срочно начал вспоминать, а нет ли у него чего-нибудь полезного для таких случаев.

Юрий молчал, смотрел в одну точку и не среагировал даже на резкий хлопок возле своего уха.

Глава – 4.

- Ты понимаешь, я такое только в фильмах про псих больных видел! – объяснял Алексей Екатерине Борисовне по дороге.

- Ну, обычно, после того как алкоголик трезвеет у него начинается эпилептический или белая горячка. Хотя то, что ты описываешь не похоже ни на то, ни на другое.

- Ну, точно не припадок. А как выглядит горячка, я не знаю.

- Это когда у алкоголиков галлюцинации начинаются. Обычно, они видят кошек, тараканов или ловят мух. У нас как психиатр приезжал, так просил, чтобы они воображаемую ниточку на палец накручивали.

- И что? Накручивали?

- Накручивали.

Юрия застали все в той же позе восковой фигуры. Не долго думая, Катерина залепила ему пощечину. В кукольном взгляде появился жизненный блеск.

- Может тебе спирта дать? – поинтересовалась школьная медсестра.

Новый знакомый напрягся, стараясь подавить подступившую тошноту.

- Сколько лет пьешь?

- Я не знаю.

- Отлично. А как тебя зовут – ты знаешь?

- Юра.

- Уже хорошо. Какой сейчас год?

- Мне, наверное, надо уйти.

Юрий начал было подниматься, но это оказалось не так-то просто. Он повалился на Алексея.

- У тебя такой вид, будто ты напился в первый раз, - с подозрением в голосе произнесла Катя.

- Как вы догадались?

- По лицу видно, что ощущение новое.

Пара учителей - спасателей подвели его к столу и налили крепкого чая.

- И как нам связаться с твоими родственниками? – поинтересовалась Екатерина

Борисовна, когда лицо их нового знакомого обрело более здоровый вид. Юра втянул голову в плечи и снова стал погружаться в потусторонний мир. Алеша отобрал у него чашку и полил из графина ему на голову. Маневр завершился успехом.

- Дело в том... - начал Юрий и глубоко задумался.

Учителя терпеливо ждали. Ждать ответ на заданный вопрос – это неотъемлемая часть жизни педагога.

- А можно мне где-нибудь здесь остаться? Я так понимаю, что это место далеко от городов.

- Ты что, убил кого-нибудь? – не без интереса спросила Катя.

Юра покраснел, потом побледнел, а затем вспотел. Реакция говорила сама за себя. Школьная медсестра резко встала:

- Я что, угадала, что ли?

- Не совсем, - пробормотал Юрий Юрьевич Светлов и сделал большой глоток горячего чая, отчего пришлось тут же вскочить и заметаться по комнате в поисках чего-нибудь, куда его можно было бы выплюнуть, ибо ожог глотки и пищевода вещь не очень приятная.

Далее разговор не продолжился. Не то лукавя, не то и правда, страдая от ожога, Юра отказался от беседы и снова улегся на кушетку. На следующий день он увязался за Алешей на работу.

- Как ты думаешь, я смогу быть чем-нибудь полезен?

Филолог пожал плечами:

- А какое у тебя образование?

- Ну, десять классов точно есть.

- А дальше?

- А дальше – жизнь, покрытая мраком, которую и вспоминать не хочется, - усмехнулся Юра.

- Ну что ты делать умеешь?

- Кажется, ничего полезного. Но я буду стараться.

Этот странный разговор оборвался на таможне Бабы Веры. В данный момент она умудрилась изъять рогатку у Перелукова из 8-го «А».

- У меня в его классе очень важный урок, - шепнул Алексей Юре.

- Можно поприсутствовать?

- А то, - горько усмехнулся филолог.

В этот момент баба Вера ткнула шваброй в ботинки Светлова и недовольно замычала. Тот, недолго думая, будто всю жизнь этим занимался, достал из карманов пару полиэтиленовых пакетов и нацепил себе на ноги. Недоумение пограничного поста длилось несколько секунд и, пропустив странного взрослого, баба Вера переключила внимание на подошедших учеников, которые увидев занятый выход из затруднительного положения возбужденно зашептались.

- Во всяком случае, из рогатки в меня сегодня не пальнут, - горько произнес

Алеша и принялся вытирать доску, по привычке предварительно проверив ее на прочность.

Юра уселся на задней парте.

- Что, здесь так все плохо?

- Сейчас увидишь.

Прозвенел звонок. Наконец, все расселись, и ученики принялись с интересом оборачиваться в сторону последней парты.

- Я не знаю, как для вас, - начал Алексей Юрьевич, - а для меня «Капитанская дочка», является самым первым крупным и значительным произведением, которое я сам изучал когда-то в школе.

- А дочка-то, симпатная? – донеслось со второй парты, где сидел высокий и тонкой мальчик, и понимающе улыбался.

- У нас тут тоже был один, капитан милиции еще. Он с дядей Ваней сутенерами заделался, так что банька с проститутками по воскресеньям работала безотказно, до тех пор, пока на этого капитана кто-то не донес, - просветил всех Шура Баранов.

Алексей Юрьевич стоял и беспомощно хлопал глазами.

- Ребят, а кино у вас здесь есть? – внезапно поинтересовался Юра.

Все обернулись. Алеша нахмурился.

- А ты кто, дядь? - спросил Баранов.

- Меня зовут Юрий Юрьевич.

- Вы учитель?

- Нет. Но неплохо разбираюсь в фильмах. Дело в том, я не знаю, будете ли вы читать «Капитанскую дочку»...

- Ха-ха, читать запаadlo, - раздался шепот.

- Ну, так вот. Есть замечательная экранизация. Вы сможете увидеть то, что, возможно, потом даже захочется прочитать. Алексей Юрьевич, у вас есть телевизор в школе?

Тот пожал плечами.

- Да уж, лучше кино посмотреть, чем слушать эту мутотель, - согласились дети.

Юра и филолог вышли в коридор.

- Неплохо, по крайней мере, удалось удержать их в теме, - похвалил его Алеша. Только поход к директору, не самая удачная идея. Он видел тебя вчера в луже.

- А ты не уточняй, кого он видел. Я что-нибудь придумаю.

Глава – 5.

- Диплом музыкальной школы? – спросил директор, откинувшись в кресле и задумчиво разглядывая Юрия Юрьевича, - то есть, вы закончили только школы и все?

Антон Валерьевич был хорош в своем образе хозяина. Светлый костюм,

вальяжная поза и рука с длинными пальцами у пухлых губ и выпирающего подбородка. Светлые волосы аккуратно зачесаны вперед. Он следил за собой, в отличие от растрёпанного Юры в рубашке с чужого плеча. Он ведь был покрупнее Алексея, так что воротник пришлось расстегнуть, дабы не оказаться задушенным, а вот удлинить штаны не получилось. Да, и еще одна деталь - пакеты на ботинках.

- А откуда ты, вообще, взялся? И где твои дипломы?

- Дипломы – не проблема, - ответил тот и выложил на стол пару корочек: зеленую – аттестат об окончании средней школы и серую, об окончании музыкальной.

Антон Валерьевич небрежно взял их в руки и начал изучать. Брови от удивления поползли вверх.

- Оба с отличием? И ты полагаешь, я поверю, что у тебя нет высшего образования?

- Полагайте, что хотите. Только я показал все, что у меня есть. Могу вести уроки по музыке и какую-нибудь продленку.

- Хорошо. Только ты понимаешь, что платить я тебе смогу столько, сколько уборщице?

- Не вопрос.

На этом собеседование закончилось.

- Ну что? – взволновано поинтересовался Алеша, когда увидел Юру в своем кабинете.

- Буду вести музыку. А завтра покажу в продленке «Капитанскую дочку». Ведь у вас есть интернет? Надо скачать спектакль.

Вот так в деревне Верхние Ямки появился новый учитель.

ЧАСТЬ – 4

Глава 1.

В этом классе ремонт не делали. А зачем? У пианино не было половины клавиш, а вторая половина пела разными голосами птиц, типа ворон, павлинов и кукушек с серьезным заболеванием горла. Пара клавиш напоминала дятлов. На них приятнее всего было нажимать, по крайней мере, душа в пятки не уходила. Единственное, что оставалось целым – это крутящийся стул рядом с инструментом. В полу не хватало досок, на потолке штукатурки, парт не было вовсе. Юра сидел перед тем, что когда-то называлось пианино, и задумчиво нажимал на беззвучные клавиши. У него была неделя на то, чтобы привести это помещение в рабочее состояние. Вопрос стоял – для чего? Для занятий танцами эта аудитория еще могла сгодиться, с учетом того, что танцоры не боялись бы сломать себе ноги, но, вот, для музыки... Хотя, этих детей не смог бы заманить на учебу даже симфонический оркестр. Может попробовать организовать

школьный театр? Ведь даже крыс дрессируют. В класс заглянул Алексей Юрьевич.

- Уроки ведь можно назвать не «Музыкой», а, например, «Культурным просвещением», - поделился мыслями Юра.

- А может «бокс?» Ты этим не занимался? Думаю, что ребятам понравится, - помахал руками Алеша, подпрыгивая в боксерской стойке.

- Издеваешься, да? – усмехнулся Юра.

- Скорее, сочувствую.

- Я, кстати, у директора телевизор на завтра выпросил. Показать твою «Капитанскую дочку». Да, только придется нам его сюда притащить. Антон Валерьевич к себе в кабинет скорее бешеных мартышек впустит, чем учеников.

- Ну что ж, я тоже не против на это посмотреть. Я даже не знал, что есть телеспектакль по произведению. Какую-то унылую экранизацию видел, а эту нет.

- Да ты что?! – оживился Юра, - ты только послушай, кто там играет! Гринев – Абдулов, Пугачев – Самойлов, Маша – Проклова, Швабрин – Филатов! И еще куча всяких замечательных актеров.

- Ладно, останусь. Только не обещаю, что кто-нибудь из детей придет.

- Пообещай им на следующий день сочинение по этой теме. Придут.

- Даже если я пообещаю на следующий день атомную войну, сомневаюсь, что они исполнят мои указания... Хотя, я знаю кто нам сможет помочь.

- Кто-то страшнее атомной войны?

- Я бы сказал – грознее. И актуальнее.

Глава - 2.

- Выберите. Или физика или кино в классе, который вы сами же уберете, - спокойно сказала Мария Станиславовна 8-му «А» и еще более спокойно на него посмотрела.

- Мой папа сможет там пол починить, - произнес вдруг веснушчатый рыжий мальчишка.

- Хорошо, Саночкин.

- У нас от прабабки старое пианино осталось, так мама его использует как мебель для банок с соленьями и вечно ворчит, что оно занимает слишком много места, - активизировалась полная девочка.

Мария Станиславовна одобрительно кивнула. В ее смеси воли бронепоезда и грации лебедя было что-то сверхъестественное. Дети, которые за пять минут до занятия матерились, грызли семечки и курили дешевые сигареты, в данный момент трепетали и были готовы заново отстроить школу, если понадобится, только бы не дополнительная физика, так как там, чтобы увидеть одобрение учителя, надо было знать урок. Но для них легче слазить на Луну по веревочной лестнице. Нет, Мария Станиславовна умела объяснять, просто они не умели слушать, точнее, не понимали – зачем им это надо. Закон Кулона, теория

относительности... «Чаво?». «Накой нам это в Верхних Ямках надо?».

Антон Валерьевич заглянул в класс. Учитель физики и бровью не повела. Дети мигом вскочили.

- Можете идти, - сразу отпустила она их.

Директор развалился на учительском стуле.

- Вы действительно думаете, что сможете этих даунов чему-то научить?

- Насколько я знаю, Антон Валерьевич, у этих детей нет генетического заболевания.

- Вы уверены?

- Да.

Спокойное равнодушие Марии Станиславовны могло поколебать египетскую пирамиду вместе с десятью сфинксами одновременно, а уж какого-то там самовлюбленного директора и подавно. Она никак не хотела поддаваться его влиянию. ЕГО. Того, кто покорил самую умную девочку в институте. Чтобы не продлять свое унижение, Антон Валерьевич с достоинством удалился.

Глава – 3.

Хорошо, что в школе учителей кормили бесплатно, и жил Юра у Алеши тоже бесплатно, иначе созерцание ста рублей в кошельке довело бы его до самоубийства. Молоток и отвертка были совсем не теми инструментами, с которыми его учили обращаться. Поэтому чувствовал себя новый учитель рыбой, выкинутой на сушу. Причем рыбой, которая умудрилась отрастить себе легкие, чтобы жить, но не смогла отрастить ноги и руки, чтобы нормально функционировать.

Саночкин старший ремонтировал пол и тихо матерился, когда рот его был свободен от гвоздей. Юра пару раз порывался помочь ему, но его помощь ограничилась тем, что он испортил инвентарь. Горе-музыкант покинул класс, чтобы не раздражать рабочего и наткнулся на Марию Станиславовну, которая как привидение Черной Дамы внезапно возникла в коридоре. Юрий Юрьевич вздрогнул, но попытался улыбнуться. Улыбка вышла кривоватой. Вместо вопроса учитель физики подняла брови.

- Делает, - закивал молодой человек.

Мария Станиславовна вернула брови в исходное положение и продолжила свой путь. Юра с облегчением вздохнул и отправился искать Алешу.

За дверью с табличкой: «Класс русского и литературы» происходило что-то невообразимое. По звукам это смахивало на восстание Спартака. Как раз тот момент, когда рабы ночью с дикими криками напали на спящих римлян у подножия Везувия. Это представление навело Юру на мысли о школьном театре. Он приоткрыл дверь.

Учителя, конечно же, не было.

- Эй! - повторил он недавнюю ошибку Алексея, когда тот попытался таким

образом привлечь внимание детей на спортплощадке.

Юра подошел к столу и постучал по нему рукой. Огрызки и бумажки продолжали летать с той же интенсивностью. Все сопровождалось восторженным гиканьем.

- Тише! – потонуло в шуме с тем же успехом, что и «Эй».

Юра устало опустился на стул и вдруг понял, что в классе повисла неестественная тишина. Он ошеломленно уставился на детей, готовый спросить, что вызвало в них подобную перемену, но вдруг сам обо всем догадался, когда увидел, куда обращены их затравленные взгляды. В дверях стояла учитель физики.

- Где Алексей Юрьевич? – спросила она и твердой походкой приблизилась к учительскому столу.

- Его вызвал Антон Валерьевич, - ответил кто-то из учеников.

- Отлично. Пишите условие задачи.

Юра уступил ей место, поклявшись себе при случае спросить, как ей удастся ТАК воздействовать на учеников, но беспокойство за друга пересилило любопытство.

Дверь в кабинете директора была приоткрыта. Юрий Юрьевич не хотел подслушивать, но входить в разгар чужого разговора было бы тоже неприлично. Он замер на слове:

- Кал. Так что если захотите выбросить его из программы, я не буду против.

Через секунду Алексей Юрьевич покинул кабинет директора с видом человека, поперхнувшегося костью.

- Кто это там кал? – не без интереса спросил Юра.

- Подожди, я в себя приду.

Они молча шли по коридору – Алеша переваривал воображаемую кость, а Юрий Юрьевич сгорал от любопытства.

- В твоём классе сейчас физика.

- Надо подарить ей цветы, – оживился Алексей Юрьевич и тут же понуро добавил - правда, в этой глуши нет ни одного цветочного магазина.

- А что, нарвать нельзя?

Нарвать. В ноябре. Ну, в принципе, можно собрать еще не совсем жухлые осенние листья, хотя, это подошло бы только для каких-нибудь первоклашек. А розарий в Верхних Ямках можно было бы найти только вместе с Никитским ботаническим садом, ну или с Парижским парком Багатель.

Они вышли на улицу. В одних пиджаках было довольно прохладно.

- Почему ты не свяжешься со своими родственниками? Они наверняка помогли бы тебе с деньгами и одеждой! – недоумевал Алексей, глядя, как новый учитель ежится в его костюме, который был ему несколько мал.

Юра растеряно посмотрел на него и провел рукой себе по лбу.

- Я не могу, - тихо произнес он.

Ну да, учитель музыки наверняка бы рассказал, в чем дело, если бы захотел.

- Завуч говорил про Тургенева, - резко сменил тему филолог.

Юрий Юрьевич усмехнулся и снова провел рукой себе по лбу.

- За что это он его так невзлюбил?

- За слабость характера и изображение в своих романах «антимужиков».

- Боже. Пошли внутрь, пока мы не превратились в двух замороженных неудачников, и не обрадовали, тем самым, этого Образца Настоящего Мужчины.

Глава – 4.

В коридорах царила перемена. Ор, топанье и визг по громкости перекрыли бы даже самый шумный заводской цех. Друзья направлялись в учительскую, как Алексея чуть не сбил с ног первоклашка. Филолог схватил его за плечо и потребовал объяснений.

- Мне... Срочно... К медсестре... Таблетки!

Юра заметил в его руке пузырек и легко вытащил лекарство из вспотевшей ладони. «Изониазид», - было написано на этикетке.

- Что случилось? – властно спросил он запыхавшегося мальчика.

- Я давал Вовке витамины, которые принес из дома, а он вдруг заболел.

Екатерина Борисовна велела срочно принести пузырек, откуда я их достал.

- Я сам его передам, - пробормотал побледневший вдруг Юрий Юрьевич и побежал в медкабинет.

Дрожащей рукой он открыл дверь, и секунду глядя, то на бесчувственного мальчика, то на растерянную Екатерину Борисовну, плотно прикрыл ее за собой.

- Изониазид, - коротко бросил он и поставил пузырек на стеклянный столик у входа, - зонд доставай и Вб.

Нахмурившись, Катя пару секунд смотрела на него, но потом все быстро исполнила.

В кабинете резко пахло лекарствами. У Юры немного тряслись руки, пока он запихивал зонд в желудок первоклашки.

- Что-то я жгут никак не могу найти, - проворчала Катя, копаясь в шкафу.

- Ничего, я смогу своей рукой его заменить.

Медсестра снова внимательно посмотрела на Юру, но промолчала.

Только они промыли мальчику желудок, как у него начались судороги.

- Это реакция на изониазид, - сквозь зубы процедил учитель музыки, заметив Катин испуг.

- Реланиум?

- Давай.

Когда все было сделано, и мальчик спокойно уснул, Юра с Катей устроились за столом.

- Тебе, наверное, надо написать какой-нибудь отчет? – спросил он у медсестры.
- Он бы умер, да? – в свою очередь поинтересовалась она, откровенно разглядывая понурого молодого человека, который от такого внимания был готов сползти под стол.

Опустив голову и плечи, Юрий Юрьевич очень старался не встретиться с ней взглядом.

- Я могу помочь с отчетом, - тупо произнес он.

- Я не сомневаюсь, - усмехнулась медсестра и встала из-за стола.

Юра вдруг вскочил, и от напряжения морща лицо, стал с трудом подбирать слова.

- Понимаете... Я не могу...

- Если не хотите, я никому ничего не скажу, - ясно произнесла Екатерина Борисовна.

Юрий Юрьевич благодарно закивал и выпалил:

- Можете обращаться по любому вопросу!

- Даже не сомневайся, - улыбнулась она.

Юра улыбнулся в ответ и, выйдя из кабинета, вздохнул с огромным облегчением.

ЧАСТЬ – 5

Глава – 1.

Ноябрьский ветер гнал тучи вместе с дождем куда-то прочь от города, и у Ольги Юрьевны появилась надежда, что погода улучшится. Женщина ежилась в своем строгом сером пальто и пыталась максимально эффективно укрыться зонтом. Но это ей плохо удавалось. Дождь был косой, довольно сильный для поздней осени и уже успел промочить обувь и сумку, в которой находилась стопка проверенных тетрадей по литературе. У Ольги Юрьевны было как всегда, в последнее время, напряженное лицо, плотно сжатые губы и грустный взгляд. И это вовсе не из-за школы. Гимназия, где она работала, имела неплохой учительский состав и талантливых учеников.

Женщина опять проигнорировала пару луж, окончательно промочив ноги, так как в голове снова и снова крутился разговор с полицейскими. «Прошел месяц. И это очень длительный срок. Вам пора бы уже смириться». А дальше были намеки на нервное расстройство ее брата, которое плохо поддавалось лечению и осложнялось его скепсисом по отношению к своим же коллегам.

А ведь все неплохо начиналось...

Их родители - известные музыканты, постоянно находились в разъездах с концертами, так что Оля и Юра, который был младше ее на пять лет, воспитывались бабушками. Дети оказали чрезвычайно серьезными, и старшая вскоре стала блестящим учителем русского и литературы, а младший только начинал карьеру врача. Обладая отличной памятью и огромным желанием сделать что-нибудь особенное, они выбрали, на их взгляд, самые сложные

профессии, оставив музыку для развлечения. Только Юра просчитался, когда избрал специализацией детскую реаниматологию. Не смог спрогнозировать реакцию своей впечатлительной натуры на страшные и необратимые последствия.

Однажды он пришел после дежурства, где поступило двадцать детей с тяжелыми отравлениями, пять из которых закончились летально. Брат с сестрой уже жили одни, так что, когда вечером Ольга Юрьевна вернулась из школы, то нашла Юру на диване с отсутствующим выражением лица.

Не без труда отогнав эти воспоминания, учитель переключила внимание на рассыпающиеся под ногами ступени школьного крыльца. «Сколько можно?» - возник в голове яростный вопрос. Два раза в год коллеги были свидетелями дорогостоящего ремонта ступеней крыльца, причем из материала, который не выдерживал мороза, да и просто, больших нагрузок. Их директор – крупный бородатый и хваткий мужчина, просто отмывал деньги, но при этом был относительно хорошим хозяйственником, не без связей, так что в школе постоянно шел ремонт.

Решив раздеться в учительском гардеробе, чтобы не пачкать полы в своем классе, Ольга Юрьевна спустилась на нулевой этаж. Единственное, что оставалось у нее сухого, так это каштановые волосы, убранные в хвост, столь короткий, что он издали напоминал пучок. В коричневом строгом костюме и с почти классическим псевдо пучком она создавала бы образ традиционной скучной советской «училки», если бы не имела очень приятное лицо, особые манеры от которых веяло спокойным достоинством и огонь в глазах, мастерски завуалированный воспитанной сдержанностью.

В гардеробе никого не оказалось. Она сняла пальто, переобулась и встала у окна, поближе к батарее, чтобы немного обсохнуть. М-да, унылая осенняя картина: серость, дождь и пара желтых листьев на кустарнике, которые нещадно тормозил ветер. Ольге Юрьевне сразу вспомнился рассказ О'Генри «Последний лист». Она тут же подумала о Юре, и ей захотелось выбежать на улицу и приклеить этот злосчастный лист навечно к ветке, дабы быть полностью уверенной, что ее брат жив.

Ну почему все так неправильно? Только ты думаешь, что все хорошо, как тут же происходят изменения далеко не в лучшую сторону. Как будто кто-то испытывает. Как будто ты не принадлежишь себе. Как будто все твои страхи о невозможности безоблачного существования, как бы в наказание за эту боязнь, начинают осуществляться. Да пошло бы все! Никаких страхов больше! Куда уж хуже...

В это время в раздевалку вошел директор. Он чем-то напоминал ей грузную женщину, несмотря на бороду. Было такое ощущение, что борода как раз и предназначена для того, чтобы лишний раз подчеркнуть мало выраженную мужественность. Он и кричал как базарная баба, если его что-то не устраивало.

Первое время на Ольгу Юрьевну это сильно действовало, так как раньше она никогда не сталкивалась с мужской истерикой, пускай и наигранной. Борода пыталась подчеркнуть сомнительную мужественность, а повышение голоса – сомнительную власть. Филолог поморщилась про себя, наблюдая за его лицом.

- Что это вы не на уроке? – с подозрением и легкой насмешкой поинтересовался директор. - Помните мое последнее китайское предупреждение?

- У меня еще есть время, - спокойно ответила учитель.

- Ну, смотрите, не опаздывайте, а то вычту из зарплаты, - снова тем же тоном сказал он.

И что-то ей стало так противно от этих постоянных «пуганий». То опозданиями, то успеваемостью, то проверками. И эта его излюбленная фраза о «последнем китайском предупреждении» - каждый раз. Как будто этой пошлостью он хотел свести с ума восприимчивых к речи словесников.

- Александр Александрович! Когда же, наконец, отремонтируют эти ступени? Раз и навсегда. Как в средневековом замке? Чтобы на века.

- Что-то вы совсем разговорились. Оставьте свое красноречие для уроков литературы.

- Знаете, я лучше оставлю его для педсовета, - бросила она и вышла из раздевалки.

Глава – 2.

Алексей и Юрий наконец-то потащили телевизор в класс. Завуч со своей женой наблюдали за их неловкими маневрами и слегка посмеивались, стоя в коридоре.

- Корова поднос с сервизом и то бы изящнее несла, - прокомментировал он под сдержанный хохот Оксаны Викторовны.

- Не знаю - кто больше доставляет – они или наши даунические ученики, - продолжил Антон Валерьевич, но мудрая жена увлекла его в кабинет. Плоский телевизор угрожающе покачивался на составленных вместе стульях.

- Если он «ахнется» - не расплатимся, - проворчал Юра, ища для него равновесие.

Наконец, все кое-как установили. Даже форточки закрыли – от греха подальше. Рассадили детей, предусмотрительно отобрав у них сотовые, и начали киносеанс. Юра поставил на паузу, когда на экране возникла пословица: «Береги честь смолоду».

- Что это значит? – обратился он к классу.

Девяносто девять процентов учеников ответили (если очень мягко произнести ключевое слово): «Детям до четырнадцати – не положено».

Один процент «оппозиции» олицетворял Кротов, который сразу же захрапел, увидев не цветные кадры.

Юрий Юрьевич вздохнул, но оставил сие единомыслие без комментариев. Размеренные голоса главные героев, читающих текст и придающих каждому слову особое значение, отрывали от реальности. Алексей и Юра через некоторое время забыли, что они здесь делают и целиком погрузились в фильм. После трех часов просмотра, они с трудом вынырнули из параллельного мира и с удивлением отметили, что ученики все еще сидят на своих местах. Алеша даже начал озираться в поисках Марии Станиславовны, такой неправдоподобной показалась ему картина по эту сторону экрана.

Юра снова вернулся к поговorce в первых кадрах и повторил свой вопрос.

- Здесь ведь не только про Машину честь говорится? - робко спросила полная девочка Юля Бочкина.

- Та-ак, - протянул Юра, - то понятие «чести», которое вы имеете в виду - это лишь один прутик этого веника.

Он схватил желто-грязный атрибут уборки, который валялся в углу, и помахал им над собой. Пыль и паутина посыпались ему на голову. Алеша напрягся, забеспокоившись о психическом состоянии своего друга. Дети в недоумении воззрились на веник. Юра усмехнулся, вовремя оценив обстановку, и стряхнул пыль со своих волос.

- Честь - она как этот веник - не дает различной грязи заполнить вашу душу.

Честь - это и честность (слова недаром однокоренные), это и благородство, это и верность, это и достоинство... Вы понимаете, о чем я?

Несколько учеников медленно, но кивнули.

- Напишите ваши мысли по этому поводу и сдайте их в виде сочинения Алексею Юрьевичу. А теперь по домам, уже поздно.

Когда дети разошлись, а учителя начали дислокационные мероприятия, связанные с телевизором, филолог прокашлялся, словно боролся с неуверенностью, и спросил:

- Кстати, о честности...

Юра напрягся, но промолчал.

- Не может такого быть, что у тебя нет родственников, которых бы не беспокоило твое отсутствие.

Телевизор заметно накренился, но учитель музыки справился с секундной слабостью.

- Зачем ты так поступаешь? - не отставал Алексей.

- Ты знаешь меня всего две недели, - напомнил Юра.

- Что это значит?

- Только это и значит.

Алексей неизвестно почему, но начал злиться. Когда они вернули аппаратуру в кабинет директора и вышли на улицу, филолог снова нарушил молчание.

- Я не верю, что ты поступил настолько плохо, что твои родные испытывают счастье по поводу твоего отсутствия. И я так понимаю, что они не знают - где

ты.

- Счастье - вряд ли. Но облегчение – очень может быть.

- У тебя настолько ужасные родственники? – с сочувствием в голосе поинтересовался Алеша.

Юра резко остановился.

- Нет. Никогда так не говори. Моя сестра замечательная. Ты ничего не знаешь!

- Ну, так расскажи мне!

- Может быть потом. Я пока не готов.

- Погоди.

Алексей развернулся на сто восемьдесят градусов и рукой остановил Юру. Было темно и холодно, но друзьям было не до личного комфорта.

- У меня такое ощущение. Очень сильное. Что ты совершаешь ужасную ошибку!

Юра попытался, было, пройти, но филолог не дал ему это сделать.

- Ты очень неплохой человек. А если у тебя есть, как ты сам выразился, замечательная сестра, то я не понимаю, зачем ты издеваешься над ней?

- Послушай, Алексей. Было время, когда я вел себя очень плохо, может быть, и, не полностью отдавая себе в этом отчет. Понимаешь, я не давал ей нормально жить. Ей тридцать, но она не замужем и не имеет детей. Последний ее парень сбежал из-за меня. Я не работал, практически не говорил, ничего не соображал. И длилось это полгода! – под конец он сильно повысил голос.

Алеша непонимающе уставился на него.

- Из-за того, что я оказался таким слабым засранцем, ты даже не представляешь через что она прошла. Пусть лучше думает, что я умер, - закончил свое неожиданное откровение Юра и быстрым шагом отправился прочь.

Алексей больше не пытался остановить его, стараясь переварить полученную информацию.

Глава – 3.

Ольга Юрьевна ждала звонка к началу урока, сидя за учительским столом и наблюдая за своим 11-ым «А». Как-то странно все. За последние семь месяцев они выпали из ее поля зрения. Тогда она могла лишь автоматически передавать знания, не особо заботясь о том, как они доходят до них. И теперь, филолог с удивлением обнаружила, что ключевые фигуры 11-го «А» изменились. Вон, Саша Баранов, когда-то тихий и скромный отличник, который раньше спокойно давал свои записи другим ученикам, сидит с самодовольной улыбкой и, кажется, не спешит показать сочинение менее уверенным одноклассникам. Похоже, Саша узнал, что он умный. А вон Ксюша Тараторкина – девочка с феноменальной памятью... С ума сойти! Продает хорошисту Горелову какие-то листы с напечатанным текстом.

Ольга Юрьевна протерла глаза, будто надеялась, что это обман зрения.

Звонок прервал ее мысли.

- Все, рассаживаемся, - она еще раз оглядела сразу присмиривший класс, - итак, тема гражданской войны в отечественной литературе XX века.

Филолог задумчиво посмотрела в окно, затем снова на учеников.

- Давайте немного изменим план занятия, - неожиданно предложила она.

Все молчали, недоуменно глядя на нее. В последнее время они уже привыкли просто следовать плану, учитывая, что класс был выпускной, и время уделялось, в основном, профильным предметам.

- Давайте пересядем. На левом ряду будут те, кто поддерживает «красных», на правом – «белых», в центре – не определившиеся.

После некоторых шумных моментов, которые заняли, не очень много времени, класс представил вполне определенную картину. Слева, на первой парте, то есть «за красных», в несколько расслабленной позе сидел Андрей Фролов и с некоторым вызовом смотрел на Ольгу Юрьевну. Она прекрасно знала этого выдающегося ученика. А выделялся он умением четко излагать свои мысли, полным отсутствием романтизма, отличной памятью и сарказмом. В общем, все при нем, но однажды учитель литературы застала его за тем, как он словесно оскорблял более слабого ученика. До физического воздействия не дошло, так как вмешалась она, ну а с начальством, он обычно не спорил.

Во главе «белых» сидел самый богатый мальчик в классе – Коля Боровой - сын замминистра образования. Этому тоже палец в рот не клади. Достаток сквозил из каждого его жеста, из каждой детали одежды, начиная с дорогого костюма и заканчивая ботинками.

Центр заняли самые робкие ученики. Ольга Юрьевна улыбнулась про себя, заметив на первой парте Витю Борисова, который оказался там только потому, что остальные, более расторопные, успели спрятаться от учителя подальше. Витя чем-то напоминал ей брата, так что филолог постаралась сразу же абстрагироваться от этих мыслей.

- Итак, - напряженно улыбнулась она, - Коля, почему за «белых?». И какое произведение ты брал за основу?

- Я здесь, Ольга Юрьевна, из чисто идейных соображений. У людей было все – поместья, заводы. А народ решил прикарманить себе чужое. И началась резня из-за жадности. Уж и крепостное право отменили, живи да работай. Нет, надо бухать, грабить и называть это правым делом.

- Учи «матчасть», Боровой! – раздалось с первой парты слева.

Ольга Юрьевна вскинула брови, изображая внимание, и переключилась на Андрея Фролова.

- У тебя что, предки дворяне? Такие же крестьяне, как и у нас. Те из аристократов, которые не передохли, сбежали за границу. А если бы не революция, то не быть твоему отцу замминистра, а пахал бы ты сейчас в поле и читать бы не умел.

- Так, ребята, давайте на личности не переходить, - остановила их учитель, видя, как покраснел Коля Боровой, готовясь к ответному ходу, - я хочу послушать Витю. Почему ты занял нейтральную позицию?

Тот вздрогнул, поднялся с места и растеряно оглядел класс.

«Ну, давай же!» - мысленно подбодрила его Ольга Юрьевна.

- Ну, были свои герои и среди «белых»... Это очень здорово изобразил Булгаков в «Белой гвардии»...

- Наконец-то перешли к литературе, - улыбнулась учитель.

- Да, - кивнул Витя, - там описана настоящая трагедия. В данном произведении – это обреченность людей чести. Алексей Турбин распустил свой дивизион, состоящий из мальчишек, понимая всю безысходность ситуации. А сам погиб. А инженер Телегин из «Хождения по мукам», наоборот, отдал себя революции. Был прекраснейшим человеком, сделал много хорошего, придраться не к чему. Хотя, у Толстого и белогвардеец Роцин – человек чести, в конце тоже начинает понимать «красных». Но я, Ольга Юрьевна, сижу здесь не потому что не могу определиться, а потому, что мне ближе герой Пастернака. «Вы – насмешка над этим миром, его оскорбление» - говорит Комаровский Юрию Андреевичу. И он прав. Такие люди действительно не вписываются не в тот мир, ни в этот, но они как никто другой понимают весь ужас ситуации...

- Спасибо большое, Вить. И не только за то, что ты вспомнил о литературе. А теперь небольшой перерыв. Подумайте еще немного.

Ольга Юрьевна вышла из класса, потому что вдруг плохо себя почувствовала. Не хватало воздуха. Она подошла к окну и впустила осенний ветер.

Глава – 4.

Ночью Юра никак не мог заснуть. И зачем он только выболтал все Алексею?! Не его это дело. Молодой человек много ворочался, но при этом старался не разбудить филолога.

Несмотря на то, что учитель музыки не спал, он вздрогнул, когда услышал стук в дверь. В комнате было холодно, и Юра подкрался к окну, закутавшись в одеяло. Когда он узнал Екатерину Борисовну, то в голове возникла только одна версия ее ночного визита.

Едва он стащил с себя одеяло, как зубы застучали мелкой дробью и его затрясло. Юра с трудом оделся, так как руки и ноги плохо слушались. «Да что это со мной такое? От холода это или от страха?» - пытался понять он свое состояние. Когда снова раздался стук, Алексей проснулся и поднял голову, ничего не соображая.

- Это меня, спи, - успокоил его Юра, и филолог сразу же захрапел.

На улице было холоднее раза в три, так что молодой человек даже вначале задохнулся от свежего воздуха. Алешина куртка своей степенью защиты от

низких температур была сродни пляжным шортам.

- Боже, - только и смог выдохнуть учитель музыки.

- Ничего, ничего, - подбодрила его Екатерина Борисовна, - это полезно, закаляйся.

Юра пару раз лязгнул зубами и промолчал, так как слова не желали выбираться на холод.

- Тут такое дело, Юрий Юрьевич, - сразу посерьезнела Катя, - К нам сейчас завалился пьяный сосед и заявил, что если его жена умрет от менингита, то он засудит всех здешних медиков. Но это лишь вступление...

- М-может, в дом зайдем? – наконец выговорил Юра, чувствуя, что сейчас сойдет с ума от холода.

- Идем сразу к ним, - Катя быстро зашагала, - Дело в том, что восемнадцатилетняя жена этого тридцатилетнего алкаша действительно без сознания. А в соседнем районе недавно пропустили менингит у ребенка, в результате чего он умер и теперь все только об этом и говорят.

- У в-вас и-иглы пункционные есть? – выдавил из себя учитель музыки, пытаюсь завернуться в короткую куртку, словно в одеяло, но с таким же успехом он мог завернуться в носовой платок.

- Мне-то они зачем? - удивилась медсестра.

«Резонно», - подумал про себя Юра и сосредоточился на ходьбе, так как сосредоточится на чем-либо другом, он уже не мог.

В сенях так сильно пахло перегаром, что молодой человек напрочь забыл о холоде, и чуть было не метнулся на улицу. С некоторых пор он перестал переносить запах алкоголя. Сразу вспомнилась классическая ситуация: «между львом и носорогом». Екатерина Борисовна с улыбкой закивала, заметив его реакцию, и смешно наморщила нос.

Их встретил высокий агрессивный детина с пропитым лицом.

- А это еще кто? – уставился он на Юру.

- Независимый эксперт, - ответил доктор.

- Чего?

- Я должен осмотреть вашу жену.

Красные глаза стали еще краснее, а мешки под ними еще больше.

- Пропусти нас, - властно заявила Катя, и легко оттолкнув его, прошла в комнату.

Пока мужик недоуменно шатался, Юрий Юрьевич прошмыгнул за ней.

В комнате было неуютно, отвратительно пахло, и кровать, на которой лежала девушка, выглядела как после бомбежки.

- Как ее зовут? – спросил он.

- Юля.

- Юль! – громко позвал учитель музыки и сжал ей руку.

Никакой реакции не последовало. Юра приподнял ей веки и обнаружил разные

зрачки.

- Твою... - он не стал продолжать и резко обернулся к Кате.

Она вопросительно смотрела на него.

Доктор метнул взгляд в сторону мужа, который держался за косяк, но при этом очень въедливо следил за «независимым экспертом».

Юра вернулся к пациентке и стал исследовать ее голову. Затем он взял Катину руку и направил ее к определенному месту на черепе. Когда она поняла, что он хотел сказать, то отпрянула и яростно развернулась к мужу больной. У доктора молниеносно пролетели в мыслях все возможные последствия их открытия, и он сдерживающее сжал Катину плечо. Она кивнула и уже спокойно и чуть насмешливо обратилась к пьяному родственнику:

- Ее срочно надо вести в районную больницу.

- А разве менингит нельзя лечить здесь? - еле ворочая языком, поинтересовался он, при этом, очень внимательно изучая лица медиков.

- Это не менингит... - начал Юра и, заметив, как рука мужа больной потянулась куда-то за дверь, быстро добавил, - это геморрагический инсульт.

Тот замер и непонимающе уставился на него:

- Чего?

- Кровоизлияние, разрыв аневризмы. Ее надо срочно оперировать.

- А...

Детина сразу расслабился и как-то обмяк.

- Екатерина Борисовна поищет машину для перевозки, но я вас сразу предупреждаю, что шансов мало.

Муж больной кивнул и налил себе рюмку.

Катя с тревогой посмотрела на Юру.

- Ищи машину, иначе мы ее потеряем, - шепнул он ей.

- А полицию?

- Сейчас некогда.

Пьяный родственник подозрительно посмотрел на них:

- Чего вы шепчетесь?

- Чтобы не потревожить больную, - тихим голосом объяснил Юра.

Когда Катя ушла, он вернулся к осмотру. Кома оказалась средней степени тяжести, то есть шансов на выживание мало, особенно учитывая предстоящую дорогу, а если еще в ЦРБ не будет нейрохирурга, то, вообще, ноль.

Мужик, тем временем перестал пить, и принялся очень внимательно разглядывать учителя музыки.

- Я не знал, что у нас в Ямках доктор объявился, - неожиданно составил он связное предложение своим заплетающимся языком.

- Я не доктор, я учитель, - скромно ответил Юра, вызвав, тем не менее, неожиданную вспышку ярости у мужа больной.

- Что ты мне все врешь, гаденыш! - прорычал тот.

Бутылка врезалась Юре в лицо так неожиданно, что он даже не успел закрыться. Бывший «ВДВэшник» Петька Ибрагимов мог, даже имея последнюю стадию опьянения, угнать самолет противника, слетать в винный магазин, выпить там еще пару бутылок и, направляя воздушный транспорт на склады с боеприпасами врага, спрыгнуть с парашютом и заработать, тем самым, медаль за отвагу.

Муж больной всем весом навалился на учителя музыки и, дыша перегаром в его разбитое лицо, прошипел:

- Ты думаешь, что я идиот?

Он оторвал его от пола и поволок в сени, захватив, стоящее за дверью, ружье. Но на крыльце их ждал сюрприз. Екатерина Борисовна все-таки вызвала полицию.

Глава – 5.

Полицейская «Буханка», то есть УАЗ-452 выехал из деревни Верхние Ямки на трассу, и пассажиров, наконец, перестало трясти как в космическом корабле в момент старта.

Юра, крепко державший носилки с больной, чтобы они не упали с ящиков из-под овощей, почувствовав более или менее ровную дорогу, поднялся с дощатого пола и пересел на самопальную скамейку, где находилась Екатерина Борисовна. Она тоже участвовала в фиксации носилок, но из более возвышенного положения.

- У нас такие машины используют только в качестве труповозок, - нарушил молчание учитель музыки.

- А у нас, вообще, никаких машин нет, слава Богу, что эту дали, - отозвалась Катя.

В УАЗике было темно, холодно и сильно пахло бензином.

- Далеко до ЦРБ?

- Два часа при хорошем раскладе. Зря вы поехали Юрий Юрьевич.

- Я не хочу упустить возможность сфотографировать себе череп. К тому же, там могут быть проблемы с анестезиологами.

Только он вспомнил про рентген, как у него тут же невыносимо заломила верхняя челюсть. Юра прижался в стене затылком, зажмурился и часто задышал.

- Я звонила туда, у них нет нейрохирургов, но обещали найти.

Машина не пропускала не одну кочку. Доска, которая изображала скамейку, не была фиксирована и постоянно съезжала с опоры.

- Юрий Юрьевич.

Не дождавшись ответа, Екатерина Борисовна включила фонарик и осветила на него.

- Давайте я вам баралгин сделаю.

Он смог только кивнуть.

Катя постучалась в окно водителя. Тот съехал на обочину.

- Куда? В вену?

Юра снова кивнул.

Вскоре УАЗик вернулся на трассу. Когда ломота прошла, молодой человек взял у Екатерины Борисовны фонарик и проверил больную. Состояние ее не изменилось, и это было хорошо.

Оставшееся время проехали в молчании, так как Юра уснул и проснулся только, когда двери машины распахнулись.

- Выносите, - раздался женский голос снаружи, и в УАЗ залезли два человека. Юрий Юрьевич спустился вслед за Катей и нос к носу столкнулся с высокой темноволосой женщиной лет сорока с таким спокойным выражением лица, что появившись здесь неожиданно цунами, то и оно бы сразу затихло в нерешительности. Он знал ее по своей прошлой жизни и безмерно уважал. Юра никогда не видел, чтобы Вера Дмитриевна хотя бы раз повысила голос. И это, учитывая частые дежурства в самой бешеной больнице города, когда многие срывались на крик, ругались, увольнялись и проклинали все на свете. И даже когда по операционной летали мозги, и кровища заливала медперсонал, когда мужчины матерились, кидались скальпелями или били ассистентов по рукам, Вера Дмитриевна оставалась абсолютно невозмутимой. Он даже запомнил день ее рождения, поскольку в свое время развлекался шутками от Линды Гудман, которая хоть и через гороскоп, но выдавала иногда очень меткие формулировки характера, которые запоминались наизусть. Так и с Верой Дмитриевной: «Рыбы по натуре настолько спокойны и безразличны, что, кажется, не существует ничего, что способно вывести их из себя... Скажите Рыбе, что завтра грядет конец света, и она рассеянно выслушает ваши откровения, а быть может, даже сонно зевнет в ответ». Юра знал ее со времен своей институтской практики, а потом часто пересекался с ней по работе. И за пять лет их знакомства он впервые увидел, что она сильно взволнована.

- Юра?! – она обняла его одной рукой и повела в приемник.

- Что вы здесь делаете? – наконец обрел он дар речи.

- Вызвали по сан авиации.

Ну конечно! Когда нет районных, то вызывают областных врачей. Иногда, правда, слишком долго везут. От «сан авиации» осталось только название, кукурузники уже давно сдохли и все перемещались исключительно на автомобилях.

- А я твою сестру только два дня назад видела. У нее ребята в классе подрались.

- А...

- А тебя кто? – поинтересовалась она, разглядывая его фингал.

- Тот же, кто снабдил нас пациенткой.

- Понятно. Пошли ее «эхнем» и тебя, заодно.

Пока Юра включал эхоэнцефалоскоп, вспоминая, на какие кнопки надо нажимать, Вера Дмитриевна вышла в коридор и открыла сотовый.

- Привет, не спишь? – спросила она кого-то, кто поднял трубку после второго гудка.

Ольга Юрьевна все еще проверяла тетради.

- Я так и думала. У меня для тебя хорошие новости...